

Литература

1. Аристотель. Сочинения в 4 т. / Аристотель. – М.: Мысль, 1976. – т.1. – 367 с.
2. Панфилов, В. З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания / В. З. Панфилов. – М.: Наука, 1982. – 357 с.
3. Oxford English Dictionary [Electronic resource] / ed. by L. Brown (ed.-in-chief) [and others]. – Electronic data and programme (645 Mb). – 4th ed. – New York: Oxford University Press, 2007. – 1 CD-ROM.
4. Random House Webster's Unabridged Dictionary / Philip Babcock Gove [and others]. – 2nd ed. – New York: Random House Reference, 2005. – 2256 p.
5. British National Corpus [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>. – Date of access: 12.08.2015.

Особенности перевода английской юридической терминологии на русский язык

Бурая Е. В., студ. IV к. БГУ,
науч. рук. Ивашкевич И. Н., канд. филол. наук, доц.

В настоящее время переводческая деятельность во всех своих разновидностях приобрела невиданный ранее размах благодаря возрастающей интенсивности международных контактов, что дает нам основание назвать XXI столетии «веком перевода» [1, с. 15]. На фоне растущего числа международных связей, а также развития торговли и новых средств коммуникаций, особую актуальность приобретает юридический перевод.

Вопросами языка и права занимается специальный раздел науки, называемый в научной литературе *legal linguistics* (юрислингвистика). Современное понимание юрислингвистики довольно широко, однако традиционную область исследований составляют вопросы о том, является ли язык права особым языком и является ли этот специальный язык внутренне единым.

Среди особенностей юридического языка, наиболее часто подвергающихся критике со стороны лингвистов, многие исследователи приводят следующие:

– Употребление юридических терминов, совпадающих со словами естественного языка, например, терминологизированных слов: *possession* (владение, обладание), *item* (вещь, объект) [2, с. 67];

– Употребление «неопределенных выражений»: *common interests* (общие интересы);

– Употребление архаизмов: *hereinabove* (вышеупомянутый), *hereunder* (в силу настоящего закона, договора);

– «Компактный стиль»: сложные номинальные группы, пассивные конструкции, запутанные синтаксические конструкции и «непросматриваемые» сложноподчиненные предложения [3, с. 114].

К числу особенностей перевода правовых документов относиться и то, что переводимый документ организован в соответствии с правовой системой страны, в которой он был составлен. Юридические формулировки и специфические термины отражают особенности своей правовой системы. При переводе документов нужно учитывать, что текстовые конвенции в языке оригинала часто зависят от культурных особенностей и иногда при буквальном переводе теряют вложенный в них смысл. Поэтому переводчик должен одинаково хорошо разбираться и в праве своей страны, и в праве страны, которая является носителем языка [4, с. 143].

Тем не менее, не всегда легко найти эквивалент какому-либо фиксированному сочетанию или термину. Если термин является малоупотребительным или его значение может быть непонятным, следует прибегнуть к одному из предлагаемых способов:

– Привести официальное определение термина, например: *legal remedy* – средство судебной защиты по общему праву;

– Уточнить, расширить содержание термина словами нейтральной лексики, например: *failure to comply with the contract due to force majeure* – невыполнение договора вызвано форс-мажорными обстоятельствами);

– Заменить термин общепонятным словом или выражением.

Отдельные трудности возникают с многозначными юридическими терминами. Примером может служить термин *claim*, который в зависимости от контекста может иметь несколько различных вариантов перевода: утверждение, иск, правопритязание и даже патентная формула.

Употребление фразеологизмов в юридической речи довольно ограничено. Как правило, используются устойчивые выражения книжного характера или стилистически нейтральные фразеологизмы, лишенные экспрессивности (к примеру, *carry authority* – быть влиятельным, пользоваться авторитетом). Особенностью стиля правовых документов является также преимущественное употребление инфинитива и страдательного залога, косвенной речи. Тем не менее, перечисленные отличительные языковые черты стиля правовых документов являются объективным фактом языка, их применение в текстах документов закономерно и закреплено традицией. В силу своей специфики юридическая область требует от переводчиков особой точности и глубоких знаний как терминологии, так и фоновых знаний.

Литература

1. Федоров, А. В. Основы общей теории перевода: (Лингвистические проблемы) / А. В. Федоров; отв. ред. Л. С. Бархударов. – М: Филология, 2002. – 416 с.

2. Гамзатов, М. Г. Техника и специфика юридического перевода: Сб. статей. / М. Г. Гамзатов. – СПб., 2004. – 184 с.

3. Алимов, В. В. Юридический перевод: практический курс. Английский язык / В. В. Алимов. – М.: Ком Книга, 2005. – 160 с.

4. Шугрина, Е. С. Техника юридического письма: Учеб.-практ. пособие / Е. С. Шугрина. – М., 2000. – 272 с.

Концепция социального конструирования реальности в творчестве П. Бергера и Т. Лукмана

*Вансович И.Э., студ. V к. БГУ,
науч. рук. Кисель Н. К., канд. филос. наук, доц.*

Возникновение конструктивистского дискурса в контексте современной социальной философии обусловлено как обстоятельствами внутрифилософского характера, так и особенностями современной социальной жизни, ролью в ней виртуальной реальности и новых информационных технологий, которые в определенном смысле творят повседневную реальность [1, с. 5]. Представляется, что конструктивистский тренд в осмыслении как природы общества, так и перспектив его динамики, сегодня наиболее наглядно репрезентирован концептуальными построениями социального конструкционизма, у истоков которого стоял американский психолог К. Герген. Однако в контексте социальной философии наиболее репрезентативной оказывается позиция, развиваемая П. Бергером и Т. Лукманом

С позиций социального конструкционизма общество рассматривается как субъективно-объективная реальность. Так, будучи объективной реальностью, общество оказывает воздействие на человека: с одной стороны, человек биологически предопределен к конструированию мира, в котором он живет, с другой стороны, этот мир становится для него доминирующей и определяющей реальностью. Общими усилиями люди создают человеческую окружающую среду во всей совокупности ее социокультурных и психологических образований, ни одно из которых нельзя понять в качестве продукта биологической конституции человека [2]. Механизмами, обеспечивающими конструирование социальной реальности, согласно теоретикам социального конструкционизма, являются хабиитуализация (опривычивание) и седиментация (осаждение) полученного опыта. Функцию контроля в социально сконструированной реальности выполняют институты, которые создаются не моментально, а являются продуктами истории.

С другой стороны, общество, будучи субъективной реальностью, предполагает, что быть в обществе – это значит участвовать в его динамике [2].